

Тёмный

как выбраться из грязи

«Автор»
2026

Тёмный

как выбраться из грязи / Тёмный — «Автор», 2026

«Как выбраться из грязи» — это суровая, лишенная иллюзий сага о мужском становлении, где социальный лифт приводится в движение не мечтами, а бессонными ночами, звенящей злобой и абсолютным нежеланием оставаться тухлым овощем на дне родовой ямы.

© Тёмный, 2026
© Автор, 2026

Тёмный
как выбраться из грязи

Как выбраться из грязи

Глава 1. Половинка дома

Память не сохранила лица отца. Алексей помнил только спину — широкую, обтянутую выцветшей болоньевой курткой, и то, как эта спина уменьшалась в дверном проеме. Отец уходил не в другую семью, не к другой женщине. Он уходил в туман, в ноябрьскую слякоть их маленького ярославского поселка, и забирал с собой тепло. В то утро, когда замок щелкнул в последний раз, из дома ушла не просто половина мебели. Ушло право на то, чтобы быть ребенком.

Ему было девять.

Мир сузился до размеров «половинки» дома — пятнадцати квадратных метров, разделенных на проходную кухню и комнату. Кухня была не местом для жизни, а санитарным кордоном. Сюда попадали с улицы, здесь сбрасывали грязную обувь, здесь же, на шатком табурете, чистили картошку, если она была. Воздух в этом тамбуре был густым и кислым. Он пах застарелым хламом, мокрой шерстью и тем особым духом нищеты, который не выветривается ни сквозняками, ни хлоркой.

Стол, застеленный клеенкой в мелкий синий цветочек, всегда был предательски пуст. Не голодно, а именно пусто. На нем не было скатерти, не было вазы, не было даже солонки — ее прятали, чтобы не просыпать. На клеенке всегда стояла гора грязной посуды. Тарелки с присохшими макаронами, жирные кружки, вилки, намертво схваченные чайным налетом. Мать работала на двух работах: с восьми до пяти — диспетчером в местной жилконторе, где вечно текли крыши, а с шести до одиннадцати — уборщицей в поселковом магазине. Она валилась с ног. У нее не было сил не то что вымыть посуду, а даже просто сложить ее аккуратно. Гора росла, осыпаясь на пол осколками дешевого стекла.

В комнате было не лучше. Там царила одежда. Она не лежала в шкафу — шкаф давно продали. Одежда жила на креслах, на спинке дивана, на полу. Горы тряпья: серые от частых стирок рубашки, штаны с пузырями на коленях, колючие свитера. Это был ландшафт их жизни. Чтобы сесть в кресло, нужно было сначала скинуть на пол ворох мятых штанов.

Алексей научился передвигаться по этому дому бесшумно, как кот. Он знал, какая половица скрипит, знал, что ручка на входной двери держится на одном честном слове. Его день начинался не со звонка будильника, а с холода.

Умывальник в углу кухни был железным, эмалированным. Зимой эмаль покрывалась сеткой инея. Вода в ведре под ним схватывалась ледяной коркой. Леша вставал в шесть утра, потому что если встать в семь, горячей воды в титане уже не будет — мать уйдет на работу, и греть его будет некому. Он, сонный, дрожащий, плескал в лицо ледяную воду. Кожа горела, но грязь, въевшаяся в поры после вчерашней возни в сарае, не сходила.

Завтрак был актом смирения. Он открывал буфет. Там, на верхней полке, за мутным стеклом, всегда стояло одно и то же: трехлитровая банка прошлогоднего смородинового варенья. Сахар в нем давно кристаллизовался, превратив ягоды в янтарные саркофаги. Леша брал кусок черного хлеба. Не горбушку — горбушки мать берегла «на потом», и это «потом» никогда не наступало. Он брал мякиш, сухой, как поролон, и густо, не жалея, мазал его этим засахарившимся стеклом. Сладость была приторной, тяжелой, она не давала энергии, она просто забивала желудок, чтобы он не ныл до обеда.

Школа была другой планетой. Там были чистые парты, там пахло краской и котлетами из столовой. Леша сидел за последней партой, ссутулившись, стараясь занимать как можно меньше места. Его одежда всегда была мятой — утюг в доме был, но гладить на кухонном

столе, заваленном грязной посудой, было невозможно. Его штаны были сухими, но на коленях белели следы от частых падений — соль, выступившая сквозь ветхую ткань. Одноклассники обходили его стороной. От него пахло не дорогим парфюмом, как от городских ребят, а углем, сырой землей и тем самым кислым воздухом половинки дома. Он был невидимкой. Тухлым овощем, как он сам себя называл в те редкие минуты, когда позволял себе думать. Но думать было больно. Мысли требовали пространства, а пространства не было. Была только задача: дожить до вечера.

После школы он не шел гулять. Он шел домой, сбрасывал у порога ботинки — единственную свою обувь, осеннюю, с подошвой, которая держалась на честном слове и каплях обувного клея, — и нырял в рабочий ритм.

Огород за домом зарос бурьяном в человеческий рост. Борщевик, лопухи, полынь. Косить было нечем. Леша брал тупой кухонный нож и часами вырубал тропинку к туалету. Туалет стоял на улице, сколоченный из почерневших досок. Зимой внутри нарастал куржак, иней на стенах был толщиной в палец. Садиться на это деревянное сиденье было все равно что садиться на нож.

Но главной его повинностью был уголь.

Сарай стоял в конце двора. Зимой уголь смерзался в монолитные глыбы. Леша брал тяжелое, неудобное ведро, шел по ледяной тропинке, которую сам же и прокопал, пытаясь отвести весеннюю воду. Он разбивал глыбу обухом топора. Зубило соскальзывало, топор отдавал в руки глухой болью. Куски антрацита были острыми, они резали ладони. Он наполнял ведро, чувствуя, как немеет плечо, и нес его в сарай. Потом еще одно. И еще.

К вечеру возвращалась мать. Она не кричала. Крик требовал сил, которых у нее не было. Она просто смотрела на гору посуды, на его грязные руки, на пустую кастрюлю, и ее плечи опускались еще ниже. Она начинала греметь тарелками. Этот звук — скрежет губки по застывшему жиру — был саундтреком его детства.

Зимой было хуже всего. Водяное отопление, брошенное отцом на полпути, работало вполсилы. Батареи были теплыми, как остывающий труп. В комнате стоял такой холод, что пар изо рта шел клубами. Леша делал уроки, сидя на кровати, натянув на себя все, что можно: два свитера, куртку, на ноги — старые валенки. Он дышал в шарф.

Спать он ложился в одежде. Не потому, что лень было раздеться. Куртка и свитер были его вторым одеялом. Он сворачивался калачиком, поджимая ледяные ноги, и проваливался в тяжелый, без сновидений сон.

Утро начиналось с тошноты. Не от голода. От тоски. Он смотрел на серый потолок, на трещину, ползущую из угла, и понимал, что это навсегда. Что он родился в этой грязи и в ней же умрет. Что его потолок — это ПТУ, а его судьба — пахать за копейки, чтобы купить такую же банку засахаренного варенья.

Он был весь в прыщах. Подростковая кожа, отравленная плохим питанием, холодом и постоянным стрессом, взбунтовалась. Лицо, шея, плечи — все было покрыто красными, гнойными вулканами. Он не смотрел в зеркало. Зеркала в доме, кстати, тоже почти не было — висел маленький осколок в коридоре, в котором можно было увидеть только один глаз или половину щеки.

В тот день, когда ему исполнилось пятнадцать, подарка не было. Мать, просто утром молча поставила перед ним на стол тарелку. На ней лежала жареная картошка. Целых три картофелины. Сверху — одна сосиска. Это был пир. Это был предел ее возможностей. Леша ел и плакал. Не от благодарности. От унижения. Он плакал от того, что предел мечтаний его матери — накормить сына жареной картошкой раз в год.

В тот вечер, отскребая в темноте пригоревшую сковороду, потому что мать уже спала, он впервые не просто страдал. Впервые в его голове, в этой пустоте, где раньше был только холод, родилось что-то горячее. Это не была мечта. Мечта — это слишком светлое слово. Это была

злоба. Черная, густая, как мазут. Злость на отца, ушедшего в туман. На мать, сломавшуюся под тяжестью работ. На этот дом, который высасывал из него жизнь.

Он посмотрел на свои руки, потрескавшиеся от угля и воды. На грязь под ногтями. «Я не сдохну здесь, — подумал он, споласкивая тарелку в ледяной воде. — Я вылезу. Даже если мне придется выгрызть эту землю зубами».

Это была первая светлая мысль в его жизни. И она пахла не смородиновым вареньем, а ненавистью.

Глава 2. Смазка, карамель и тишина

ПТУ пахло озоном, жженым металлом и безнадегой. Электрогазосварщик. Звучало солидно, почти как инженер. На деле это означало, что ты будешь дышать марганцем и фторидами, пока твои легкие не начнут выплевывать кровь, но об этом в брошюре для абитуриентов не писали. Алексей пошел туда не по призванию. Он пошел туда, потому что это было ближе всего к дому, и потому что на специальность «ремонт подвижного состава» — то есть локомотивов — брали всех. Даже таких, как он, с прыщами и пустыми глазами.

Депо встретило его грохотом. Это был не просто шум, это была физическая масса звука. Удар кувалдой по бандажу колесной пары отдавался в грудине, в зубах, в глазных яблоках. Пахло креозотом, мазутом, сгоревшей изоляцией и кислым человеческим потом.

Его поставили в бригаду к дяде Вите. Дяде Вите было сорок пять, но выглядел на все семьдесят. Его лицо было похоже на старый кирзовый сапог — в трещинах, морщинах и въевшейся навечно металлической пыли. — Смотри, студент, — просипел дядя Витя, перекрикивая грохот пресса. — Видишь палец? Выработка. Штангелем меряй. Если больше десятки — под наплавку. Меньше — точи.

Алексей кивал. Он ничего не понимал. Штангель в его руках казался чужеродным, сложным прибором. Он смотрел на эти железные кишки локомотива — гигантские шатуны, поршни, покрытые черным, как смоль, нагаром — и чувствовал себя муравьем, которого бросили в двигатель.

Но руки у него были хорошие. Неумелые, но цепкие. И спина крепкая. После угля и дров вес дизельного блока в полтонны казался подъемным. Он научился держать электрод ровно, научился не моргать от снопа искр, научился отличать звон хорошего металла от глухого звона трещины.

Рабочая столовая была местом пытки. Там кормили жирным борщом, в котором плавали куски сала, и макаронами по-флотски, слипшимися в один серый кирпич. Но настоящим алтарем депо был «курилка-каптерка». Это была бетонная коробка без окон, где зимой было так же холодно, как на улице, а летом — плюс пятьдесят.

Здесь жила душа депо. И душа эта была горькой.

Мужики пили. Не так, как показывают в кино — с тостами и душевными разговорами. Пили буднично, по-черному. В каптерке всегда стоял запах перегара, кислой капусты и дешевого табака. — Леха, будешь? — дядя Витя протягивал ему пластиковый стаканчик, на треть налитый жидкостью цвета бледного чая.

Это была «паленка». Разведенный спирт «Рояль» или какая-то местная бодяга, от которой наутро выкручивало суставы. Алексей мотал головой. — Не, дядь Вить, я пас.

Первый раз его пытались заставить всерьез. — Ты че, брезгуешь? — прищурился бригадир, Сан Саныч, мужик с сизым носом и глазами-щелочками. — Мы тут, значит, горбатимся, жизнью дышим, а ты чистеньким хочешь быть? — Я не чистенький, — тихо ответил Алексей, не поднимая глаз от станка. — Мне завтра к восьми. А у меня еще чертежи. — Чертежи... — Сан Саныч сплюнул на бетонный пол. — Жизнь свою начерти, студент. Вот она, — он обвел рукой каптерку. — Грязь, мазут, водка. Все честно.

Они пили из горла, занюхивая рукавом промасленной телогрейки. Закусывали. Это был отдельный ритуал, от которого Алексея мутило. Они не резали колбасу. Они доставали из

кармана карамельки — «Дюшес» или «Барбарис». Сдирали фантик грязными, черными от графита пальцами и бросали леденец в рот. Сладкий химический вкус смешивался с водочным перегаром. Это была их еда.

Алексей сидел среди них, молчаливый, и смотрел. Он видел, как дядя Витя, который утром с микрометром в руках ловил сотые доли миллиметра, превращается в животное. Как Сан Саныч начинает плакать о дочке, вышедшей замуж за бандита. Как бригадир, еще утром оравший на него матом, становится сентиментальным и лезет обниматься.

Он не чувствовал к ним отвращения. Он чувствовал страх. Липкий, холодный страх, что это — магнит. Что если он сделает хоть один глоток, если позволит этой сладкой, вонючей жиже попасть внутрь, цепь замкнется. И он станет таким же. Будет так же харкать по утрам, так же прятать от жены заначку, так же ненавидеть понедельник и ждать пятницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.